

М.А. Симонов

МЕСТО УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В ПЛАНИРОВАНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СССР В 1920–1927 гг.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10095 «Индустриальная идентичность территорий России: уральские региональные сообщества и дискурс об Урале в культуре XVIII–XX вв.»).

Анализируются основные положения планов долгосрочного развития СССР, разрабатывавшиеся в 1920–1927 гг. – плана ГОЭЛРО, генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР и генерального плана хозяйства Урала. Особое внимание уделено месту уральского региона и его конкуренции с донецким промышленным районом в рамках советского стратегического планирования. Делается вывод о постепенном возрастании значения Урала в советских экономических планах. Констатируется, что в период 1920–1927 гг. были заложены основы приоритетного развития уральской промышленности в годы первых пятилеток.

Ключевые слова: СССР; Урал; экономика; планирование; индустриализация; 1920-е гг.

Таблица 1

**Доля основных экономических районов Российской империи
в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности
в 1900 г., %***

Район	Стоимость валовой продукции	Количество рабочих
Северо-Западный	8,3	7,2
Центральный промышленный	22,6	26,9
Урал	4,1	8,4
Восточная Украина (Донецкий район)	9,6	8
Закавказье	5,8	2,6
Польша	10,5	10,4

*Рассчитано по: [16. С. 98–99].

Проблемам советского экономического планирования посвящена обширная историография. До распада СССР отечественные исследователи большое внимание уделяли изучению различных аспектов планирования. Соответствующую исследовательскую работу прежде всего вели сами плановые работники [1], а также профессиональные ученые-экономисты [2–4]. Параллельно с ними над исследованием проблем советского планирования работали зарубежные ученые, объединенные в рамках комплексной дисциплины – советологии [5]. После 1991 г. два указанных направления историографии начали постепенное сближение в единую научную отрасль – изучение социалистического планирования [6; 7; 8. С. 101–121]. Ее главной характеристикой стало расширенное понимание процессов планирования в СССР, включавшее в себя не только анализ экономических показателей, но и учет политических обстоятельств, сопутствовавших разработке советских планов многолетнего развития [9, 10].

Сравнительно меньшее количество работ было посвящено процессам планирования в рамках отдельных регионов [11], так как основная масса исследователей, которая занималась региональными проблемами, изучала в первую очередь ретроспективное развитие конкретных территорий. В частности, в рамках этого подхода подготовлены работы по истории развития тяжелой промышленности уральского региона в 1920–1930-е гг. [12; 13. С. 70–92; 14. С. 287–303]. Лишь небольшая часть из них посвящена проблемам планирования ряда крупных инфраструктурных проектов [15. С. 172–183].

В этой связи изучение стратегии развития Уральского региона в рамках советского планирования требует дальнейшего уточнения, поскольку прочно закрепившаяся за Уралом после Великой Отечественной войны характеристика «опорного края державы», данная А.Т. Твардовским, не соответствовала положению дел в начале XX в. (табл. 1). Логика принятия решений и расчеты центральной и местной власти относительно характера трансформации региона на сегодняшний момент не в полной мере объяснены. Для их прояснения необходимо рассмотреть положение уральской промышленности среди других регионов Российской империи.

Из приведенных данных в табл. 1 видно, что экономическая география России того времени страдала от диспропорций. Перед революцией наиболее крупным в промышленном отношении являлся Центральный промышленный район, сложившийся вокруг Москвы. Затем следовали районы с примерно равным экономическим потенциалом – Северо-Западный вокруг Санкт-Петербурга, Донецкий и Польша. Урал по совокупной стоимости произведенной продукции был сопоставим с Закавказьем (где основную роль играли нефтяные промыслы Баку), но отличался от него низкой эффективностью своего хозяйственного комплекса. Об этом говорит двукратное превышение доли общеимперской рабочей силы, сконцентрированной в этом регионе, над долей стоимости произведенной продукции. В остальных приведенных районах эти показатели были примерно равны, а в Закавказье доля произведенной продукции была даже существенно выше доли рабочей силы. Иными словами, Урал концентрировал примерно столько же рабочих рук, сколько и Донбасс, но стоимость уральской продукции была вдвое ниже.

Быстрый экономический рост южных регионов был обусловлен общей географической тенденцией в социально-экономическом развитии России на рубеже XIX–XX вв. Так, В.П. Семенов-Тянь-Шанский считал, что демографический центр тяжести России должен окончательно переместиться в Причерноморье, охва-

таявая его полукругом от Днепра до Кавказа. Ресурсное изобилие этого макрорегиона – донецкий уголь, криворожская железная руда, кубанский и придонский хлеб – дополнялось идеальным положением в отношении коммуникаций. Волга в качестве естественной транспортной артерии связывала его с экономическими районами севера страны, а Черное море давало выход на мировые рынки, открывая широкие возможности для экспорта [17]. Это, в свою очередь, отвечало глобальному географическому тренду. Крупнейшие мировые индустриальные очаги, возникшие во второй половине XIX – первой половине XX в. тяготели к водным артериям и морским путям, позволявшим легко вывозить продукцию металлургии и металлообработки.

Так, мощнейший в мире металлургический район – «Стальной пояс» на северо-востоке США – тяготел к Великим озерам, которые соединялись с Атлантическим океаном через специально построенный судоходный канал Эри. Германская и бельгийская металлургия тяготела к Рейну, металлургические производства испанской Страны басков – к южному берегу Бискайского залива. В это логику вписывалось и развитие индустрии Донбасса, тяготевшей к Черному морю; вывоз продукции осуществлялся по Дону, Кальмиусу, Днепру. Урал, значительно удаленный от морских торговых путей, был в этой географии глубокой периферией.

Проблема снижающейся эффективности экономики является характерной для регионов старопромышленного освоения, и ее решение заключалось в реструктуризации индустриальной инфраструктуры. Рассуждая в 1915 г. о «могущественном территориальном владении» России, В.П. Семенов-Тянь-Шанский полагал, что необходимо отказаться от взгляда на восточные районы страны как на периферию, и предлагал создать четыре «колониационные базы будущего – Уральскую, Алтайскую, Туркестанскую и Прибайкальскую», соединенные между собой мощными железными дорогами [18. С. 84–85]. Уральские областники в начале XX в. подчеркивали уральскую специфику – традиция, восходящая еще к «горному царству» XVIII в. с его административно-хозяйственными практиками [19. Р. 7–36] – и считали Урал промышленной базой, призванной экономически господствовать над аграрной Сибирью на основе торгового обмена [20. С. 165–175; 21. С. 46–52; 22. С. 39–40]. Однако конкретного пути решения проблемы ни Семенов-Тянь-Шанский, ни областники не предлагали.

В практической плоскости вопрос о новом импульсе для развития Урала был поставлен только во время Гражданской войны в 1920 г. В это время началась разработка первого комплексного плана развития экономики Советской России. Для этого была создана специальная государственная комиссия, которая подготовила рассчитанный на 10 лет план ГОЭЛРО. Презентуя его на VIII Всероссийском съезде Советов в декабре 1920 г., В.И. Ленин отметил, что «у нас есть программа партии... это... программа политическая... она должна дополниться второй программой партии... показывающий, как перевести Россию на

настоящую хозяйственную базу, необходимую для коммунизма» [23. С. 158].

Какой экономический рецепт для России предлагал план ГОЭЛРО? Основные направления экономического развития и наиболее значимые показатели, которые необходимо было выполнить в течение 10 лет, изложил в своем докладе председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский. Он обозначил главную задачу ГОЭЛРО как «подъем производительности народного труда за счет интенсификации и механизации ручного труда с помощью использования большого количества электроэнергии» [24. С. 64–66]. Предполагаемая планом ГОЭЛРО масштабная электрификация страны рассматривалась Г.М. Кржижановским не просто как способ развития экономики, но и как возможность быстро сократить отставание от мировых лидеров промышленного развития. В этой связи большое внимание в плане ГОЭЛРО было уделено ряду отраслей народного хозяйства – электроэнергетике, топливоснабжению, промышленности, транспорту.

Задания по отдельным районам в плане ГОЭЛРО не были обозначены специально. Скорее всего это было связано с трудностями определения приоритетов развития регионов при крайней подвижности границ в условиях военных действий. Однако из доклада Г.М. Кржижановского можно составить представление о стратегии территориального развития советского руководства. В рамках ее реализации предполагалось разделить страну на ряд районов – Центральный промышленный вокруг Москвы, Северо-Западный вокруг Петрограда, Юго-Западный вокруг Юзовки (Донецка), а также Западную Сибирь и Урал. В условиях, когда территория важного Польского экономического района оказалась за пределами Советской России, значение оставшихся экономических районов возросло, а задача по развитию восточных территорий страны стала более острой, чем раньше.

С целью быстрого восстановления и развития экономики Советской России разработчики плана ГОЭЛРО предполагали строительство электростанций большой мощности во всех экономических районах (табл. 2). В последующем они должны были стать основой для строительства крупных современных промышленных производств [25. С. 92].

Таблица 2
Мощность первой очереди строительства электростанций по плану ГОЭЛРО

Район	Установленная мощность паровых и гидроэлектростанций, кВт	Доля от общей мощности, %
Северо-Западный	195 000	12
Центральный промышленный район	360 000	22
Юго-Западный	560 000	35
Волжский	120 000	7
Урал	210 000	13
Кавказ	30 000	2
Сибирь и Туркестан	150 000	9
Всего	1 625 000*	100

*Рассчитано по: [25. С. 218].

Как видно из табл. 2, наиболее мощные электростанции должны были строиться в развитых в промышленном отношении регионах без привязки к энергетическому потенциалу имеющихся в них рек. Особенно показательным в этом отношении является Урал, совокупная мощность рек которого оценивалась примерно в 217 тыс. л. с. (160 тыс. кВт), что составляло около 1% от совокупной мощности всех рек Советской России². Такая ситуация подталкивала к размещению электростанций по плану ГОЭЛРО лишь на наиболее полноводных реках, например Чусовой и Белой. Однако этого было явно недостаточно, поэтому большая часть энергии на Урале должна была вырабатываться за счет разработки минеральных ресурсов. Предполагалось, что к 1930 г., на который должно было прийти завершение реализации плана ГОЭЛРО, для этих нужд будет добываться до 300 млн пудов (5 млн т.) угля в год [25. С. 57]. Достичь этих показателей предполагалось за счет разработки Кизеловского угольного бассейна и Егоршинских антрацитовых копей, в этих районах также планировалось строительство работающих на угле электростанций.

Большое внимание в плане ГОЭЛРО уделялось добыче сырья для нужд тяжелой промышленности, поэтому, исходя из объема разведанных запасов, предполагалось довести долю Урала в объеме общей добычи железной руды в стране до 25 и 55–60% для медной руды соответственно [25. С. 172]. На основе добытого сырья уральские заводы должны были выплавлять до 150 млн пудов (2,5 млн т) чугуна в год [25. С. 174], в то время как на рубеже веков совокупное производство литейного, передельного, специального чугуна и чугуна лома составляло около 1,3 млн пудов (21,3 тыс. т) [16. С. 136–137]. При этом намечалось, что Юго-Западный промышленный район будет выплавлять до 300 млн (5 млн т) пудов чугуна в год [25. С. 174], при том, что в 1900 г. этот район производил 6,5 млн пудов (около 107 тыс. т) [16. С. 136–137].

Важным выводом из анализа приведенных данных является констатация колоссального (50–100 раз) по сравнению с возможностями Российской империи запроектированного роста производства чугуна, который являлся базовым материалом для большинства предприятий тяжелой промышленности. Помимо этого, следует выделить тенденцию к постепенному сближению объемов производства Южного (Донецкого) и Уральского промышленных районов, разница в производственных потенциалах которых до революции достигала 300 раз, а к концу выполнения плана ГОЭЛРО должна была сократиться до 2 раз. Помимо этого, в плане ГОЭЛРО предполагалось углубление специализации продукции тяжелого машиностроения районов страны. Так, на Урале должно было производиться горнозаводское оборудование и металлопрокат, а в Юго-Западном, Центральном и Волжском районах – продукция судостроения, сельскохозяйственные орудия, станки для легкой промышленности [25. С. 175–176].

Кроме развития электроэнергетики и тяжелой промышленности в ГОЭЛРО освещались планы по лесозаготовкам, так как лес в начале 1920-х гг. являлся важ-

ным сырьем для промышленности и строительства. На Урале вырубка леса должна была вестись вдоль полноводных рек Западного и Северного Урала [25. С. 182], по которым лес можно было легко сплавлять. Перспективным направлением для развития народного хозяйства экономического района считалась разработка торфяных месторождений, легко поддающихся добыче открытым способом, и последующая газификация и коксование этой породы [25. С. 186].

Важной народно-хозяйственной задачей, поставленной в плане ГОЭЛРО, являлось развитие транспорта. В своем докладе Г.М. Кржижановский предлагал кардинально решить проблему транспортной доступности регионов за счет создания сети связанных между собой судоходных водных путей и электрифицированных железных дорог [25. С. 214–215], получивших название *сверхмагистралей*. Ряд таких сверхмагистралей должен был связать центральные регионы страны, где была сосредоточена основная масса населения, с промышленными районами на окраинах. По сверхмагистралям предполагалось осуществлять более быструю транспортировку готовой промышленной продукции и продовольствия, а рост транспортной связности и доступности должен был вести к постепенному преодолению диспропорции развития регионов.

Говоря об Урале, Г.М. Кржижановский подчеркивал недостаточность путей, связывавших его с европейской частью России. Решить эту проблему он предлагал за счет строительства восточной сверхмагистрали, которая должна была соединить Москву с текстильным производством Поволжья, металлургической промышленностью Урала и Кузнецким угольным бассейном в Западной Сибири. Этот транспортный путь должен был стать основой для создания в будущем высокоинтегрированного народно-хозяйственного комплекса на востоке страны, основу которого составляли бы предприятия уральской промышленности, работающие на кузнецком угле [25. С. 147–148]. При этом в докладе VIII съезду был отражен и альтернативный взгляд на развитие уральской экономики. Кржижановский заявлял, что даже в случае максимально успешного развития уральской промышленности она не сможет конкурировать по себестоимости продукции с предприятиями донецкого промышленного района [25. С. 214–215], поэтому предлагал альтернативную идею создания в районе Уфы крупного металлургического комбината, который бы работал на коксе и антраците из донецкого угольного бассейна [25. С. 202]³. Таким образом, в плане ГОЭЛРО был обозначен стратегический выбор развития уральского региона – интеграция в крупный межтерриториальный комплекс на востоке страны или ориентация на юго-запад, на индустриальный Донбасс.

Выбор того или иного варианта должен был повлечь за собой корректировку всей стратегии развития страны. Первый (восточный) вариант подразумевал создание крупного независимого индустриального центра, «сдвиг» части производительных сил на восток и обострение конкуренции между Донбассом и Уралом. Второй (западный) вариант подразумевал

создание на производственной базе Донбасса и Урала единого промышленного комплекса, опоясывающего центр Советской России. В 1920 г. вопрос о выборе стратегии территориального развития оставался открытым.

Важной частью плана ГОЭЛРО была ориентация на экспорт советских товаров, конкурентноспособных на мировых рынках, с целью получения твердой валюты [24. С. 61]. Это отвечало и общей стратегии советского руководства на протяжении большей части 1920-х гг., о чем свидетельствуют действия председателя ВСНХ и заместителя председателя СНК СССР А.И. Рыкова. В 1923 г. он разъяснял руководителям промышленности, что залогом индустриального развития СССР является удовлетворение спроса крестьянства, которое, в свою очередь, должно наращивать экспорт хлеба на мировые рынки [30. С. 253–262]. Поэтому основой советского экспорта по плану ГОЭЛРО должны были быть, как и до революции, зерно и руда Юго-Западного промышленного района. Также предполагалось увеличить экспортную географию Советской России за счет связи черноморских портов с экономическими районами в бассейнах Волги и Днепра. При реализации этой стратегии уральский район остался бы в стороне от экспортных операций, что являлось фактором в пользу выбора его экономической интеграции с соседними регионами и создания автономного хозяйственного комплекса.

В историографии план ГОЭЛРО часто оценивают восторженно, как стратегический проект, обладавший выдающейся методологией и комплексным охватом [31. С. 30–39; 32. С. 151–153; 33. С. 348]. В целом стоит отметить, что план ГОЭЛРО имел ряд слабых мест. Прежде всего он был сосредоточен на развитии отдельных отраслей народного хозяйства и ряда регионов страны, которые должны были выступать в качестве точек роста, и практически ничего не говорил о других регионах. Так, в нем отсутствует информация о развитии Восточной Сибири и Дальнего Востока. При этом вопросы хозяйственной кооперации регионов в выступлении Г.М. Кржижановского на VIII съезде Советов были освещены непоследовательно; руководитель комиссии ГОЭЛРО порой предлагал взаимоисключающие варианты развития этой кооперации. О модернизации промышленности план ГОЭЛРО говорил весьма избирательно, делая акцент преимущественно на развитии электрификации, транспорта и добычи минеральных ископаемых. Визионерская уверенность во всемогуществе электричества подпитывалась марксистской ортодоксией: «Базируясь на тезисе Маркса о капитализме как эпохе пара, Ленин считал, что эпохой электричества станет социализм» [33. С. 345]. План ГОЭЛРО был эффектно презентован на VIII съезде Советов (знаменитая карта электрификации, на которой вспыхивали отмечаемые докладчиком огоньки-эмблемы проектируемых электростанций) и вскоре стал неотъемлемой частью советской культуры, настоящим культурным мифом [34. С. 164–176]. Но предлагавшиеся творцами плана ГОЭЛРО меры могли дать экономический результат только в совокупности с развитием предприятий тяжелой промышленности и машиностроения, планы по

которым в тексте доклада были представлены в меньшей степени. Например, на Урале фактически реализована была только «прагматичная» часть плана ГОЭЛРО, тогда как основная, предполагавшая возведение мощных ГРЭС и сверхмагистралей, не была выполнена даже в 1930-е гг., а показатели роста выработки электричества в основном давали выстроенные в рамках первой пятилетки новые электростанции (такие как Березниковская ТЭЦ или Магнитогорская ЦЭС), не предусмотренные планом ГОЭЛРО [35. С. 70]. Слабые места плана ГОЭЛРО предопределяли необходимость его последующей корректировки в новый более сбалансированный экономический план.

Началом работы в этом направлении можно считать решение о переработке плана ГОЭЛРО, принятое на заседании Президиума Госплана СССР 21 июня 1924 г. [36. Л. 3]. С этой целью при Президиуме была создана комиссия по пересмотру плана электрификации в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Первые результаты работы комиссии по пересмотру плана ГОЭЛРО Г.М. Кржижановский представил на пленарном заседании Президиума 23 июня 1925 г. Он предложил выделить на территории СССР семь крупных экономических районов: Северо-Западный, Центрально-Промышленный, Южно-Горно-Промышленный, Юго-Восточный, Уральский, Туркестанский и Сибирский [37. С. 26]. Производственной основой каждого такого района должна была стать сеть мощных электростанций, которая бы обеспечивала работу возводимых крупных промышленных предприятий. Также для каждого района предполагалось заранее определить основные экономические показатели не в валовом, а подушевом исчислении [37. С. 18]. Конечной целью проекта разработки генерального плана должно было стать создание экономических условий для построения в СССР социалистического общества [37. С. 11].

Ко второй половине 1925 г. сложились благоприятные условия для разработки и реализации генерального плана реконструкции народного хозяйства, поскольку летом того же года И.В. Сталин публично называл электрификацию средством «сближения деревни с городом и уничтожения противоположности между ними» [38. С. 157]. Альтернативная сталинскому курсу теория Л.Д. Троцкого о «перманентной революции», которая не предполагала планов долгосрочного развития СССР, была осуждена еще 17 января 1925 г. на совместном пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) [39. С. 7–10]. Таким образом, было закреплено лидерство в партийном и государственном аппарате коалиции политических деятелей во главе с И.В. Сталиным, которая отстаивала тезис о построении социализма в отдельно взятой стране. Этот курс был официально закреплён в декабре 1925 г. в резолюции XIV съезда ВКП(б), в которой указывалось: «Съезд считает, что борьба за победу социалистического строительства в СССР является основной задачей нашей партии» [40. С. 515].

Поэтому уже на I съезде Президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик в марте 1926 г. Г.М. Кржижановский высказал идею о создании целой *системы* народно-хозяйственных планов:

контрольные цифры, рассчитанные на один год; перспективный план, задающий ориентиры для развития экономики на пять лет; и генеральный план, охватывающий несколько перспективных планов, т.е. рассчитанный на 10–15 лет [40. С. 180; 41]. В связи с этим было принято решение о разработке новой редакции генерального плана реконструкции народного хозяйства, отличительной чертой которой должна была стать проработка как отраслевого, так и регионального разреза плана. Также был обновлен состав комиссии по разработке генерального плана реконструкции – во главе ее встал первый заместитель Председателя Госплана СССР П.С. Осадчий [42. С. 42], чей статус подчеркивал важность проводившейся комиссией работы.

П.С. Осадчий, как руководитель комиссии, исходил из того, что в течение 15 лет в СССР будет построен социалистический строй, а главным показателем его достижения должно будет стать удвоение среднего дохода на душу населения [42. С. 3.]. Добиться этого предполагалось с помощью улучшения положения крестьян, поскольку они составляли подавляющую часть населения СССР. Для этого П.С. Осадчий предлагал предоставить крестьянам больше экономической инициативы и создать условия для рационального использования имеющихся у них сельскохозяйственных земель [43. С. 4]. Также, как и в плане ГОЭЛРО, П.С. Осадчий в проекте генерального плана ориентировал экономику страны на расширение экспортных операций, главным стимулом для увеличения которых должно было стать строительство новых сверхмагистралей. Однако в подготовленном под его началом проекте генерального плана реконструкции было несколько изменено это понятие. Сверхмагистрали стали пониматься не просто как сети водных и железнодорожных путей, а как развитая логистическая система, оснащенная «механическим перегрузочным оборудованием в узлах пересечения водных и железных путей» [44. С. 13–14]. При этом, как и в плане ГОЭЛРО, наиболее важными для страны, во время реализации генерального плана, должны были стать Волго-Донская и Днепровская сверхмагистрали, по которым намечались перевозки к черноморским портам для экспорта свыше 100 млн пудов (1,5 млн т) угля [44. С. 19]. Важным значением развития указанных транспортных путей в генеральном плане являлось то, что восточные регионы страны, в частности Урал, оставались за пределами главных экспортных путей.

В региональном разрезе генерального плана были внесены существенные коррективы, связанные с начавшейся реформой административного деления СССР, которая позволила четко определить границы экономических районов. Первым эта реформа коснулась Урала, так как 3 ноября 1923 г. были упразднены Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии, а на их территориях была учреждена обширная Уральская область. Реформа позволила консолидировать ресурсы и централизованно проводить преобразования на обширных пространствах нового административного образования. Исходя из этого П.С. Осадчий предлагал комплексно развивать хозяйство Уральской области, т.е. одновременно решать

сырьевую, энергетическую и транспортную проблемы, стоящие перед ней [44. С. 23–24].

Прежде всего, в генеральном плане Урал рассматривался как база для добычи полезных ископаемых. Поэтому на работы, связанные с разведкой железных руд на Урале, предполагалось потратить почти половину запланированной для всего СССР суммы – 12 из 25 млн руб. При том, что по разведанным на тот момент запасам меди Урал занимал первое место, и за 15 лет реализации генерального плана ее выплавка должна была вырасти с 600 тыс. до 20 млн пудов (с 10 до 328 т) в год [45. С. 4]. Но наиболее важным для дальнейшего промышленного развития региона являлся уголь. Предполагалось увеличение его добычи за 15 лет в 3,6 раза: с 1,6 до 5,5 млрд пудов (с 26 до 90 млн т), однако на районы Урала и Кузнецкого бассейна совокупно должно было приходиться 21% добычи угля всего СССР, в то время как на Донецкий бассейн 123 360% [46. С. 4].

Таким образом, удаленность от экспортных путей, наличие минеральных ресурсов, большого количество предприятий тяжелой промышленности и значительный разрыв в экономическом потенциале с западными районами страны, прежде всего районом Донецкого бассейна, вновь актуализировал перед П.С. Осадчим и возглавляемой им комиссией вопрос о развитии кооперации Урала с соседними регионами. В итоге в генеральном плане был окончательно сделан выбор в пользу связи уральского региона с предприятиями Кузнецкого угольного бассейна.

Первым шагом на пути к экономической интеграции регионов стало уточнение проекта Восточной сверхмагистрали, предусмотренной планом ГОЭЛРО. В генеральном плане она получила название Сибирской и предполагала протяженность 2 тыс. верст (2,1 тыс. км). Специально для перевозки грузов по ней предусматривалось введение льготных транспортных тарифов [44. С. 12–13]. Это решение стало первым шагом к реализации проекта масштабного производственного Урало-Кузнецкого комбината, который должен был представлять из себя комплекс из множества предприятий тяжелой промышленности в Урало-Сибирском регионе. Главным показателем успешности Урало-Кузнецкого комбината должно было стать значительное увеличение выпуска продукции черной металлургии (табл. 3).

Таблица 3
Предполагаемый по генеральному плану выпуск продукции черной металлургии в 1931–1941 гг. *

Продукция	Годы	Юг		Урал		Центр и Сев.-Запад		Зап. Сиб.		Прочие районы	
		млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%	млн п.	%
Чугун	1931	240	75	65	20	6	3	7	2	–	–
	1936	345	68	110	21	13	3	35	7	6	1
	1941	450	64	150	21	15	2,5	70	10	16	2,5
Сталь	1931	250	68	70	19	33	12	8	1	–	–
	1936	332	62	130	25	38	7	30	5,5	7	0,5
	1941	400	57	100	23	40	6	55	12	15	2
Прокат	1931	192	70	54	20	25	9	2	1	–	0
	1936	265	62	104	24	28	6	24	5	5	3
	1941	335	58	135	23	30	5	70	12	10	2

Примечание. Млн п. – миллион пудов. *Рассчитано по: [47. С. 2].

Из материалов табл. 3 видно, что генеральный план, подготовленный комиссией П.С. Осадчего, подразумевал определенную коррекцию территориального развития и выравнивание экономического баланса между регионами страны. В восточных районах, на Урале и в Западной Сибири, предполагалось в течение 10 лет создать мощный металлургический центр, доля которого в общесоюзном производстве должна была постепенно повышаться (с 20–22 до 31–35%), а доля южного района, т.е. Донбасса, падать (с 68–75 до 57–64%). Но несмотря на это генеральный план не предполагал утраты Донбассом лидерства в черной металлургии.

Помимо разработки генерального плана из центра, Госплан СССР 9 апреля 1926 г. призвал к активизации работы по составлению генеральных планов местными плановыми органами для своих регионов [48. Л. 8]. Возможно, такое решение было связано с желанием переложить часть работы на нижестоящие организации из-за сокращения бюджета Госплана СССР на 1926 г. [48. Л. 5]. Это предложение было активно поддержано региональными плановыми комиссиями. В частности, еще на I съезде Госпланов в марте 1926 г. председатель Уралплана Л.Е. Гольдич обосновывал необходимость форсированного развития промышленности Уральской области большим объемом неудовлетворенного спроса на металл и металлические изделия в СССР. По его словам, «при... нищенском металлическом пайке в Союзе не может быть вопроса о какой-то конкуренции двух основных металлургических районов Союза – Урала и Украины» [49. С. 140]. Для развития и обоснования этих слов Уралпланом к 1927 г. был подготовлен генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. Основные показатели развития региона, заложенные в него, представлены в табл. 4.

Таблица 4

Основные показатели развития Урала в 1927–1941 гг.
в млн руб. в ценах 1926–1927 гг. *

Показатель	1926–1927 гг.	1940–1941 гг.	Рост за 15 лет, %
Вложения в основной капитал и оборотные средства промышленности	854,1	650,5	–24
Товарная продукция промышленности	300,5	1833,2	610
Вложения в основной капитал сельского хозяйства	77,5	58,2	–25
Валовая продукция с/х	765,7	1196,7	156
Товарная масса	329	1 086	330
Товарооборот	1 280	3 588	280
Доход на душу населения	48,9	108,2	221
Вложения в основной капитал городского жилищного строительства	63,9	86,5	135

*Рассчитано по: [50. С. 80, 83].

Из табл. 4 видно, что Уралплан предусматривал интенсивный путь развития уральской экономики, поскольку за 15 лет предполагалось снижение вложений в основной капитал ведущих отраслей – промышленности и сельского хозяйства на 25%, в то время как в денежном выражении предполагался рост вы-

пуска продукции в 1,5 раза для сельского хозяйства и в 6 раз – для промышленности. Такая пропорция выпуска была обусловлена структурой региональной экономики.

Также предполагалось улучшение гражданского потребления за счет увеличения объема товарной массы в 3,3 раза, которая в денежном выражении должна была быть сопоставимой с продукцией промышленности и сельского хозяйства. Наряду с этим предполагалось увеличить товарооборот в 2,8 раза, а доходы на душу населения – лишь в 2,2 раза. В перспективе эта ситуация могла вызвать диспропорции в хозяйстве Урала, которые можно было устранить с помощью увеличения вывоза произведенных на Урале товаров или активного привлечения населения в регион, прежде всего в города. Для чего предполагалось создать материальный ресурс в виде увеличения вложений в основной капитал жилищного строительства на 35 %, в то время как предполагалось увеличение городского населения за 15 лет на 7,5% (с 20,9% в 1926–1927 гг. до 28,4% в 1940/41 г.) [50. С. 82].

Натуральные показатели развития уральского региона также предполагали существенный рост. Например, производство меди должно было увеличиться в 6,6 раза (с 10 до 66 тыс. т), чугуна в 4,5 раза (с 621 до 2 802 тыс. т). Меньшими темпами предполагалось увеличить выработку электроэнергии в 1,4 раза (с 200 тыс. до 290 тыс. кВт), это определялось тем, что главным источником энергии для уральской промышленности был уголь. На такую же величину – 1,4 раза, предполагалось увеличить сбор зерновых: с 59 до 85,8 пудов (с 1 до 1,5 т) с десятины (1,09 га) [50. С. 80].

Помимо простого увеличения выпуска продукции генеральный план хозяйства Урала содержал в себе стратегию по реализации продукции региона, прежде всего коксового чугуна, в прилегающих регионах Сибири и Казахстана с помощью строительства железных дорог в направлении Орска, Оренбурга, Актюбинска, Кустаная и т.д. [50. С. 67–68]. Помимо этого, Уралплан поддерживал создание на Урале базы для дальнейшего хозяйственного освоения природных богатств восточных территорий СССР – Восточной Сибири и Дальнего Востока. Под эту идею Уралплан подводил следующее экономическое обоснование. Поскольку активизация хозяйственной деятельности потребует создания промышленности и увеличения потребления металлической продукции на указанных территориях, то в первое время необходимо будет осуществлять поставки металла в эти регионы. Стоимость чугуна при перевозке по железной дороге на расстояния свыше 3 тыс. км увеличивается почти на 40%, что делало нерентабельным и убыточной транспортировку металлов из Донбасса в Сибирь [50. С. 73], поэтому поставки металла, следовательно, и перспективы хозяйственного освоения были возможны только из района Урала и Западной Сибири. А это значило, что Урал должен был превратиться из удаленного от экспортных путей региона в базу для освоения восточных районов СССР, из экономического «закулисья» выдвинуться на «авансцену».

Таким образом, экономисты Уралплана подошли к реализации общих установок комиссии П.С. Осадчего максимально в пользу Уральского региона и интерпретировали географическое положение Урала как фактор его потенциального устойчивого роста.

В целом предложения комиссии генерального плана под руководством П.С. Осадчего и их детализация для Урала, подготовленная Уралпланом, представляли вариант относительно высоких темпов индустриализации в целом для СССР и в частности для Урала. Однако предложенные хозяйственными органами темпы индустриализации, а также тот факт, что их осуществление планировалось в условиях НЭП, не устраивало высшее политическое руководство страны, так как в первой половине 1927 г. случился кризис в отношениях между СССР и Великобританией, приведший к так называемой большой военной тревоге. Уже в декабре 1927 г. на XV съезде ВКП(б) была утверждена директива о составлении первого пятилетнего плана, в которой военная опасность была использована в качестве предлога для радикализации экономической политики. В ней констатировалось, что «учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств... необходимо... уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны» [51. С. 1292]. Также отдельно отмечалось, что в области сельского хозяйства «задача объединения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи партии в деревне» [52. С. 1308]. Таким образом, сталинское партийное большинство ориентировало весь хозяйственный механизм страны на форсированную индустриализацию, источником средств для которой должно было выступать сельское хозяйство.

В 1927 г. заведующий Конъюнктурным институтом при Наркомате финансов СССР Н.Д. Кондратьев критиковал концепцию плана, разработанную Г.М. Кржижановским и С.Г. Струмилиным, за отсутствие сведений по вопросу об экспорте, и с тревогой замечал: «Не обеспечивая программы накоплений и вложений, не обеспечивая достаточного экспорта, а следовательно, и импорта, она не обеспечивает и принятой программы индустриализации и реконструкции» [53. С. 127]. Но вопросы экспорта утрачивали свое значение по мере того, как советское руководство все в большей степени трактовало политику построения социализма в одной стране как политику автаркии.

В целях реализации установки, заданной И.В. Сталиным в конце 1927 – начале 1928 гг., П.С. Осадчего на посту руководителя комиссии по разработке генерального плана реконструкции народного хозяйства сменил член Президиума Госплана СССР Н.А. Ковалевский. Он придерживался телеологического подхода к планированию, предполагавшего более высокие темпы развития эконо-

мики и опиравшегося на «примат целевых установок в плане, на директивные методы управления» [54. С. 7]. После чего работа по подготовке региональных версий генерального плана в местных плановых комиссиях была переформатирована и разрабатывавшиеся в последующем планы исходили из смены курса в планировании [55].

Таким образом, большевистское руководство на протяжении большей половины 1920-х гг. продвигало идею быстрого преодоления экономического отставания страны от ведущих капиталистических держав. Впервые эта идея развернуто была сформулирована в плане ГОЭЛРО в 1920 г., а затем развита в готовившемся в 1925–1927 гг. генеральном плане реконструкции народного хозяйства СССР. Территориальная стратегия в рамках плана ГОЭЛРО и генерального плана реконструкции народного хозяйства СССР заключалась в постепенном выравнивании уровня развития регионов страны.

В частности, для Урала это означало постепенное приближение его производственного потенциала к уровню промышленного производства Донбасса. Однако отдаленность транспортных путей, ориентированных на вывоз произведенных товаров за рубеж, определяла хозяйственную замкнутость уральского региона. Экономическая стратегия, предполагавшая наращивание экспорта из СССР, неизбежно оставляла Урал на периферии развития, сохраняя ведущую роль за Южным промышленным регионом и следуя сложившемуся еще до революционной тенденции.

Решением этой проблемы стала интеграция с Западно-Сибирским регионом. Это решение не было простым и готовым, и его выработка потребовала немало времени и интеллектуальных сил; оно было лишь намечено в плане ГОЭЛРО, а затем закреплено в проекте генерального плана и подтверждено в генеральном плане хозяйства Урала в 1920–1927 гг. На заключительном этапе этого исторического периода, в 1925–1927 гг., указанная тенденция трансформировалась в амбициозный проект Урало-Кузнецкого комбината, строительство которого, начиная с 1930 г., стало рассматриваться как одна из наиболее важных задач развития всей страны. Ее решение позволило бы получить от «второй угольно-металлургической базы на Урале» [56. С. 255] сталь и топливо для работы предприятий в центре СССР и дальнейшего хозяйственного освоения восточных территорий.

Работа по развитию промышленного потенциала Урала и Западной Сибири имела еще одно важное последствие – возведенные в 1920–1930-е гг. промышленные объекты стали базой для эвакуированных из западных областей промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны [57. С. 108–118]. Таким образом, в 1920-е гг. была переосмыслена экономическая роль Уральского региона, был заложен фундамент для масштабной модернизации уральского хозяйства и созданы предпосылки для его трансформации в один из главных промышленных регионов СССР, тот самый «опорный край державы», о котором писал Твардовский.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Предполагаемая совокупная мощность всех электростанций, которые предполагалось ввести в строй по первой очереди ГОЭЛРО, была чуть больше мощности одной Днепровской гидроэлектростанции, построенной во время первой пятилетки.
- ² Для сравнения: доля рек Сибири в совокупной мощности рек составляла около 53%. Рассчитано по: [25. С. 77].
- ³ С большой долей вероятности можно утверждать, что в последующем идея создания в Башкирии крупного металлургического завода трансформировалась в нереализованный, но широко обсуждавшийся проект Комарово-Зигазинского металлургического комбината. См.: [27. С. 6; 28. С. 37; 29. С. 13–14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. Вопросы теории и организации. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1961. 460 с.
2. Омаров А.М. Научные основы планирования народного хозяйства. М. : Мысль, 1966. 76 с.
3. Рубин А.М. Организация управления промышленностью в СССР (1917–1967 гг.). М. : Экономика, 1969. 236 с.
4. Залкинд А.И., Мирошниченко Б.П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М. : Экономика, 1980. 256 с.
5. Nove A. The Soviet economic system. London : Unwin Hyman, 1986. 406 p.
6. Jan A. Planning and Market in Soviet and East European Thought, 1960s–1992. New York : St. Martin's Press, 1993. 320 p.
7. Ellman M. Socialist Planning. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 421 p.
8. Коссов В.В. О планировании социального и экономического развития России – платформа для консолидации общества. Выводы из опыта Госплана СССР // Экономическая наука современной России. 2013. № 3 (62). С. 101–121.
9. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М. : Российская политическая энциклопедия, 2008. 400 с.
10. Аллен Р. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М. : Российская политическая энциклопедия, 2013. 392 с.
11. Анализ и прогнозирование экономики региона / отв. ред. В.П. Чичканов, П.А. Минакир. М. : Мысль, 1984. 271 с.
12. Баканов С.А. Угольная промышленность Урала: жизненный цикл отрасли от зарождения до упадка. Челябинск : Энциклопедия, 2012. 328 с.
13. Тимошенко А.И. Урало-Кузбасс: Создание второй угольно-металлургической базы экономики СССР в 1930-е гг. // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 1. С. 70–92.
14. Корнилов Г.Е. Урало-Кузбасс в советской экономической стратегии: историография проблемы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 287–303.
15. Михеев М.В. Урал – Печора: несостоявшийся проект территориальной реорганизации советской экономики // ЭКО. 2015. № 10. С. 172–183.
16. Динамика российской и советской промышленности в связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.) / под ред. В.А. Базарова, В.Е. Варзара, В.Г. Громана и др. Т. 1. Свод статистических данных по фабрично-заводской промышленности с 1887 по 1926 год. Ч. 1. Промышленность 1900 года. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 325 с.
17. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей : в 19 т. / под общ. ред. В.П. Семенова. СПб. : Тип. Императорской академии наук. 1899–1914. Т. 14 : Новороссия и Крым : [Бессарабская, Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ., Обл. Войска Донского, Ставропольская губ.]. 983 с.
18. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России (очерк по политической географии) // Региональные исследования. 2002. № 1. С. 74–91.
19. Kiselev M.A., Graber A. State metallurgy factories and direct taxes in the Urals, 1700-50: Paths to state building in early modern Russia // Kritika. 2015. № 16. P. 7–36. DOI: 10.1353/kri.2015.0012
20. Голикова С.В. Горнозаводской субстрат уральского областничества // Studia Culturae. 2016. Т. 1, № 27. С. 165–175.
21. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Идеология областничества как фактор формирования региональной идентичности (на примере Сибири и Урала) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 12. С. 46–52.
22. Бугров К.Д. Соцгорода Большого Урала. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 472 с.
23. Ленин В.И. Доклад всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике 22 декабря 1920 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. Т. 42. Ноябрь 1920 – март 1921. М. : Изд-во политической литературы, 1970. С. 128–162.
24. Восьмой Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Крестьянских, Красноармейских и Казачьих Депутатов. Стенографический отчет (22–29 декабря 1920 г.) М. : Гос. изд-во, 1921. 299 с.
25. План электрификации Р.С.Ф.С.Р. Введение к докладу 8-му Съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М. : Гос. техн. изд-во, 1920. 230 с.
26. Промышленность 1900 года. В связи с развитием народного хозяйства за сорок лет (1887–1926 гг.). М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 328 с.
27. Пятилетний план БАССР (Материалы и постановления VIII Всебашкирского Съезда Советов). Уфа : Хозяйство Башкирии, 1931. 184 с.
28. Гинзбург М.Я. Опыт районной планировки // Советская архитектура. 1933. № 4. С. 34–50.
29. Из отчетного доклада т. Быкина о работе Башобкома ВКП(б) на XVI областной партконференции // Путь Ленина. № 1–2 от 5 февраля 1934 г. С. 1–26.
30. Рыков А.И. Кризис и очередные хозяйственные задачи (Речь на собрании красных директоров Московской губернии 18 ноября 1923 г.) // Рыков А.И. Избранные произведения. М. : Экономика, 1990. С. 253–262.
31. Бушуев В.В., Воропай Н.И. План ГОЭЛРО: итоги и уроки // Энергетическая политика. 2019. № 4 (142). С. 30–39.
32. Козенко Н.В. План ГОЭЛРО: актуальный опыт советской индустриализации // Новая индустриализация России: стратегические приоритеты страны и возможности Урала. Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2018. С. 151–153.
33. Марков Н.В. План ГОЭЛРО в оценках современников // Документ в современном обществе: между прошлым и будущим : тез. X Всерос. студ. конф. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 340–352.
34. Соловьева Т.В. План ГОЭЛРО как миф // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 164–176.
35. Баканов С.А. Строительство районных электростанций по плану ГОЭЛРО на Урале в 1920-е – начале 1930-х годов // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 65–70.
36. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 22. Д. 34.
37. Кржижановский Г.М. К пересмотру плана ГОЭЛРО // Плановое хозяйство. 1925. № 7. С. 7–28.
38. Сталин И.В. Вопросы и ответы : Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М., 1946–2006. Т. 7. С. 156–400.
39. Сталин И.В. Речь на пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 17 января 1925 г. // Сталин И.В. Сочинения : в 18 т. М., 1946–2006. Т. 7. С. 6–10.
40. Резолюция по отчету ЦК : (По докладам тт. Сталина и Молотова) // XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Декабрь 1925 года : стенографический отчет. М. : Гос. изд-во, 1926. С. 515.
41. Май В.А. Реформы и догмы. 1914–1929 : Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993. 256 с.

42. Сорокин Г.М. Первый генеральный план развития народного хозяйства (Из истории разработки перспективных планов) // Плановое хозяйство. 1961. № 2. С. 36–48.
43. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 3. Предпосылки для планирования в сельском хозяйстве // Правда. 1927. № 154. 10 июля. С. 4.
44. Осадчий П.С. Генеральный план реконструкции народного хозяйства и крупное строительство // Плановое хозяйство. 1926. № 11. С. 13–14.
45. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 5. Обеспечение производства ископаемым сырьем // Правда. 1927. № 166. 24 июля. С. 4.
46. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 7. Топливо // Правда. 1927. № 178. 7 августа. С. 4.
47. Осадчий П.С. Очерки по экономике генерального плана. 8. Металлопромышленность // Правда. 1927. № 184. 14 августа. С. 2.
48. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 22. Д. 5.
49. Гольдич Л.Е. О работе Уралплана // Проблемы планирования (итоги и перспективы). Стенографический отчет I съезда президиумов Госплана СССР и госпланов союзных республик с участием представителей местных плановых органов в Москве 10–17 марта 1926 г. С. 134–152.
50. Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия (Материалы к генеральному плану РСФСР и СССР). Свердловск, 1927. 845 с.
51. О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. М. ; Л., 1928. С. 1292.
52. О работе в деревне // XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б) : стенографический отчет. С. 1308.
53. Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л. : Лениздат, 1989. С. 95–135.
54. Возвращение к истокам // Каким быть плану: дискуссии 20-х годов. Л. : Лениздат, 1989. С. 3–9.
55. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. 764 с.
56. Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б) 27 июня 1930 г. // Сталин И.В. Полное собрание сочинений : в 18 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1949. Т. 12. С. 235–372.
57. Бугров К.Д., Запарий В.В. Танкостроение в контексте военно-хозяйственной стратегии СССР 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 448. С. 108–118.

Статья представлена научной редакцией «История» 15 апреля 2020 г.

The Place of the Ural Region in the Planning of the USSR's Economic Development in 1920–1927

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 468, 168–178.

DOI: 10.17223/15617793/468/19

Maxim A. Simonov, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: m.a.simonov1@yandex.ru

Keywords: USSR; Ural; economy; planning; industrialization; 1920s.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10095.

The relevance of the topic lies in the study of factors that contribute to overcoming the backwardness and rapid development of individual economic regions. One important example of such a model of regional development is the Urals, which in a short time turned from a losing region into one of the pillars of the Soviet economic model. In this regard, the research object is the economic complex of the Ural region with the focus on the planning of the economic development of the Urals and the external economic and political factors that affected it. The chronological framework of the study is determined by the period from the presentation of the GOELRO (State Commission for Electrification of Russia) plan at the VIII Congress of Soviets in 1920 to the approval of the directive on the development of the first five-year plan at the XIV Congress of the CPSU(b) in 1927. It was at this time that the basic principles and proportions of territorial development of the USSR and the Urals were elaborated; they were only strengthened and developed during the first five-year plans. The source base for the study is the long-term development plans of Soviet Russia and the Soviet Union, the GOELRO plan, the general plan of the reconstruction of the national economy of the USSR for 15 years, and the general plan of the economy of the Urals for the period from 1927 till 1941. Detailed information about the first two plans was published in the open Soviet press, and the last, the general plan of the economy of the Urals, was fully published. For a more detailed disclosure of the topic, materials from the meeting of the Presidium of the State Planning Committee of the USSR were also involved. The presentation of the results is arranged in chronological order, which allows tracing the evolution of planning authorities' ideas about the ways of development of the Ural economy. The main results of the study are: the idea of a rapid economic development of the country proposed in the GOELRO plan meant for the Urals the creation of new industrial capacities and the gradual approximation of its economic potential to the potential of the Donetsk region. At the same time, the remoteness of the Urals from export-oriented transport routes pushed the central leadership to integrate the Urals with Western Siberia and create a second major industrial base in the East of the country. This vector of development was enshrined in the general plan for the reconstruction of the national economy and the economy of the Urals, and this idea gained a complete form of an inter-territorial project of the Ural-Kuznetsk combine. The development of this vector took place in the conditions of the NEP: however, after the beginning of the transition to a single-person dictatorship and command-based administrative system, the country's top leadership did not abandon this course: on the contrary, it began to implement it in a more hypertrophied form than the developers of the 1920s had anticipated.

REFERENCES

1. Sorokin, G.M. (1961) *Planirovanie narodnogo khozyaystva SSSR. Voprosy teorii i organizatsii* [Planning of the National Economy of the USSR. Questions of theory and organization]. Moscow: Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury.
2. Omarov, A.M. (1966) *Nauchnye osnovy planirovaniya narodnogo khozyaystva* [Scientific Foundations of Planning the National Economy]. Moscow: Mysl'.
3. Rubin, A.M. (1969) *Organizatsiya upravleniya promyshlennost'yu v SSSR (1917–1967 gg.)* [Organization of Industrial Management in the USSR (1917–1967)]. Moscow: Ekonomika.

4. Zalkind, A.I. & Miroshnichenko, B.P. (1980) *Ocherki razvitiya narodnokhozyaystvennogo planirovaniya* [Essays on the Development of National Economic Planning]. Moscow: Ekonomika.
5. Nove, A. (1986) *The Soviet Economic System*. London: Unwin Hyman.
6. Jan, A. (1993) *Planning and Market in Soviet and East European Thought, 1960s – 1992*. New York: St. Martin's Press.
7. Ellman, M. (2014) *Socialist Planning*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Kossov, V.V. (2013) On the design of social and economic development of Russia as a platform for consolidation of society. The conclusions from the experience of the USSR state planning. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii – Economics of Contemporary Russia*. 3 (62). pp. 101–121. (In Russian).
9. Gregori, P. (2008) *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
10. Allen, R. (2013) *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii* [From Farm to Factory: A new interpretation of the Soviet industrial revolution]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
11. Chichkanov, V.P. & Minakir, P.A. (eds) (1984) *Analiz i prognozirovaniye ekonomiki regiona* [Analysis and Forecasting of the Regional Economy]. Moscow: Mysl'.
12. Bakanov, S.A. (2012) *Ugol'naya promyshlennost' Urala: zhiznennyy tsikl otrasli ot zarozhdeniya do upadka* [The Coal Industry of the Urals: The life cycle of the industry from inception to decline]. Chelyabinsk: Entsiklopediya.
13. Timoshenko, A.I. (2011) Uralo-Kuzbass: Sozdanie vtoroy ugol'no-metallurgicheskoy bazy ekonomiki SSSR v 1930-e gg. [Ural-Kuzbass: Creation of the second coal and metallurgical base of the USSR economy in the 1930s]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya – Journal of Economic History & History of Economics*. 1 (12). pp. 70–92.
14. Kornilov, G.E. (2013) Historiographical approach to ural-kuzbass in the soviet economic strategy. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological And Cultural Studies*. 4 (42). pp. 287–303. (In Russian).
15. Mikheev, M.V. (2015) The Urals – Pechora: failed project of territorial reorganization of the Soviet economy. *EKO – ECO*. 10. pp. 172–183. (In Russian).
16. Bazarov, V.A. et al. (eds) (1929) *Dinamika rossiyskoy i sovetskoy promyshlennosti v svyazi s razvitiem narodnogo khozyaystva za sorok let (1887–1926 gg.)* [Dynamics of Russian and Soviet industry in connection with the development of the national economy for forty years (1887–1926)]. Vol. 1. Pt. 1. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
17. Semenov, V.P. (ed.) (1899–1914) *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva: Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey* [Russia. Full geographical description of our fatherland: Handbook and road book for Russian people]. Vol. 14. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
18. Semenov-Tyan-Shanskiy, V.P. (2002) On the powerful territorial possession as it can be applied to Russia (essay on political geography). *Regional'nye issledovaniya*. 1. pp. 74–91. (In Russian).
19. Kiselev, M.A. & Graber, A. (2015) State metallurgy factories and direct taxes in the Urals, 1700–50: Paths to state building in early modern Russia. *Kritika*. 16. pp. 7–36. DOI: 10.1353/kri.2015.0012
20. Golikova, S.V. (2016) Miming ad metallurgical substrate of the Urals Regionalism. *Studia Culturae*. 27 (1). pp. 165–175. (In Russian).
21. Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2014) Ideology of regionalism as a factor of formation of regional identity (Siberia and the Urals case). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 12. pp. 46–52. (In Russian).
22. Bugrov, K. D. (2018) *Sotsgoroda Bol'shogo Urala* [Social City of the Big Urals]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
23. Lenin, V.I. (1970) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 42. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. pp. 128–162.
24. Eighth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Cossack Deputies. (1921) *Vos'moy Vserossiyskiy S'ezd Sovetov Rabochikh, Krest'yanskikh, Krasnoarmeyskikh i Kazach'ikh Deputatov: stenograficheskiy otchet (22–29 dekabrya 1920 g.)* [Eighth All-Russian Congress of Soviets of Workers', Peasants', Red Army and Cossack Deputies: Verbatim report (22–29 December 1920)]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
25. GOELRO. (1920) *Plan elektrifikatsii R.S.F.S.R. Vvedenie k dokladu 8-mu S'ezdu Sovetov Gosudarstvennoy komissii po elektrifikatsii Rossii* [Plan for the electrification of RSFSR. Introduction to the report of the 8th Congress of Soviets of the State Commission for the Electrification of Russia]. Moscow: Gosudarstvennoe tekhnicheskoye izdatel'stvo.
26. Groman, V.G. (ed.) (1929) *Promyshlennost' 1900 goda. V svyazi s razvitiem narodnogo khozyaystva za sorok let (1887–1926 gg.)* [Industry of 1900. In connection with the development of the national economy for forty years (1887–1926)]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
27. VIII Vsebashkirskiy S'ezd Sovetov [Eighth All-Bashkir Congress of the Soviets]. (1931) *Pyatiletniy plan BASSR* [Five-Year Plan of the BASSR]. Ufa: Khozyaystvo Bashkiri.
28. Ginzburg, M.Ya. (1933) Opyt rayonnoy planirovki [Experience of regional planning]. *Sovetskaya arkhitektura*. 4. pp. 34–50.
29. *Put' Lenina*. (1934) Iz otchetnogo doklada t. Bykina o rabote Bashobkoma VKP(b) na XVI oblastnoy partkonferentsii [From the report of comrade Bykin on the work of the Bashobkom of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) at the 16th regional party conference]. 1–2. 5 February. pp. 1–26.
30. Rykov, A.I. (1990) *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Ekonomika. pp. 253–262.
31. Bushuev, V.V. & Voropay, N.I. (2019) GOELRO plan: results and lessons. *Energeticheskaya politika – Energy Policy*. 4 (142). pp. 30–39. (In Russian).
32. Kozenko, N.V. (2018) Plan GOELRO: aktual'nyy opyt sovetskoy industrializatsii [GOELRO plan: current experience of Soviet industrialization]. In: *Novaya industrializatsiya Rossii: strategicheskie priorityety strany i vozmozhnosti Urala* [New Industrialization of Russia: Strategic priorities of the country and the possibilities of the Urals]. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. pp. 151–153.
33. Markov, N.V. (2017) [The GOELRO plan as assessed by contemporaries]. *Dokument v sovremennom obshchestve: mezhdru proshlym i budushchim* [Document in Modern Society: Between the past and the future]. Abstracts of the 10th All-Russian Conference. Yekaterinburg. 7–8 April 2017. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 340–352. (In Russian).
34. Solov'eva, T.V. (2018) Plan GOELRO kak mif [The GOELRO plan as a myth]. In: Gorbacheva O.V. & Mazur, L.N. (eds) *Sovetskiy proekt. 1917–1930-e gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [Soviet Project. 1917–1930s: Stages and mechanisms of implementation]. Yekaterinburg: Ural Federal University. pp. 164–176.
35. Bakanov, S.A. (2009) Stroitel'stvo rayonnykh elektrostantsiy po planu GOELRO na Urale v 1920-e – nachale 1930-kh godov [Construction of regional power plants according to the GOELRO plan in the Urals in the 1920s – early 1930s]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 32 (170). pp. 65–70.
36. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 22. File 34. (In Russian).
37. Krzhizhanovskiy, G.M. (1925) K peresmotru plana GOELRO [To the revision of the GOELRO plan]. *Planovoe khozyaystvo*. 7. pp. 7–28.
38. Stalin, I.V. (1946–2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 156–400.
39. Stalin, I.V. (1946–2006) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 7. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 6–10.
40. Fourteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1925) Rezolyutsiya po otchetu TsK: (Po dokladam tt. Stalina i Molotova) [Resolution on the report of the Central Committee: (According to the reports of Comrades Stalin and Molotov)]. In: *XIV s'ezd Vsesoyuznoy*

- Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fourteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
41. Mau, V.A. (1993) *Reformy i dogmy. 1914–1929: Ocherki istorii stanovleniya khozyaystvennoy sistemy sovetskogo totalitarizma* [Reforms and Dogmas. 1914–1929: Essays on the history of the formation of the economic system of Soviet totalitarianism]. Moscow: Delo.
 42. Sorokin, G.M. (1961) Pervyy general'nyy plan razvitiya narodnogo khozyaystva (Iz istorii razrabotki perspektivnykh planov) [The first general plan for the development of the national economy (From the history of the development of long-term plans)]. *Planovoe khozyaystvo*. 2. pp. 36–48.
 43. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 3. Predposylki dlya planirovaniya v sel'skom khozyaystve [Essays on the economics of the general plan. 3. Prerequisites for planning in agriculture]. *Pravda*. 154. 10 July.
 44. Osadchiy, P.S. (1926) General'nyy plan rekonstruktsii narodnogo khozyaystva i krupnoe stroitel'stvo [General plan for the reconstruction of the national economy and large-scale construction]. *Planovoe khozyaystvo*. 11. pp. 13–14.
 45. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 5. Obespechenie proizvodstva iskopaemykh syr'em [Essays on the economics of the general plan. 5. Provision of production with fossil raw materials]. *Pravda*. 166. 24 July.
 46. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 7. Topливо [Essays on the economics of the general plan. 7. Fuel]. *Pravda*. 178. 7 August.
 47. Osadchiy, P.S. (1927) Ocherki po ekonomike general'nogo plana. 8. Metallopromyshlennost' [Essays on the economics of the general plan. 8. Metal industry]. *Pravda*. 184. 14 August.
 48. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 4372. List 22. File 5. (In Russian).
 49. Gol'dich, L.E. (1926) O rabote Uralplana [On the work of Uralplan]. *Problemy planirovaniya (itogi i perspektivy)* [Problems of Planning (Results and prospects)]. Verbatim Report of the 1st Congress of Presidium of the USSR State Planning Committee and the State Planning Commissions of the Union Republics with the participation of representatives of local planning authorities in Moscow. Moscow. 10–17 March 1926. Moscow: Planovoe khozyaystvo. pp. 134–152.
 50. Antonov, D.A. et al. (1927) *General'nyy plan khozyaystva Urala na period 1927–1941 gg. i perspektivy pervogo pyatiletiya (Materialy k general'nomu planu RSFSR i SSSR)* [General plan of the economy of the Urals for the period 1927–1941 and the prospects for the first five years (Materials for the general plan of the RSFSR and the USSR)]. Sverdlovsk: Uralplan.
 51. Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1928) O direktivakh po sostavleniyu pyatiletnego plana narodnogo khozyaystva [On the directives for drawing up a five-year plan of the national economy]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 52. Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks). (1928) O rabote v derevne [On work in the countryside]. In: *XV s"ezd Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (b): stenograficheskiy otchet* [Fifteenth Congress of All-Union Communist Party (Bolsheviks): Verbatim report]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo.
 53. Kondrat'ev, N. D. (1989) Kriticheskie zametki o plane razvitiya narodnogo khozyaystva [Critical notes on the plan for the development of the national economy]. In: Krzhizhanovskiy, G.M. et al. *Kakim byt' planu: diskussii 20-kh godov* [What the Plan Should Be: Discussions of the 1920s]. Leningrad: Lenizdat. pp. 95–135.
 54. Krzhizhanovskiy, G.M. et al. (1989) *Kakim byt' planu: diskussii 20-kh godov* [What the Plan Should Be: Discussions of the 1920s]. Leningrad: Lenizdat. pp. 3–9.
 55. Sibirskaya kraevaya planovaya komissiya [Siberian Regional Planning Commission]. (1930) *Materialy k general'nomu planu razvitiya narodnogo khozyaystva Sibirskogo kraya* [Materials for the general plan for the development of the national economy of the Siberian region]. Novosibirsk: Sibkrazdat.
 56. Stalin, I.V. (1949) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 12. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. pp. 235–372.
 57. Bugrov, K. D. & Zapariy, V.V. (2019) Tank Production in the Context of the USSR Military-Economic Strategy in the 1930s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 448. pp. 108–118. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/448/14

Received: 15 April 2020